

А. В. Латышев

Отношение сотрудников НКВД и работников промышленности к узникам фильтрационных лагерей (1942–1945 гг.)

Вторая мировая война и особенно холокост вызвали острый интерес к тому, что Ханна Арендт назвала «банальностью зла», — к совершению в определенных обстоятельствах чудовищных поступков самыми обычными, в полном смысле нормальными людьми¹. Наиболее заметно этот феномен проявляется в отношении работников тюрем к заключенным. В ходе генеалогического анализа европейских пенитенциарных практик Мишель Фуко отмечал, что сама концепция тюрьмы предполагает абсолютность и независимость ее персонала от законов или судов².

Стэнфордский тюремный эксперимент, проведенный Филиппом Зимбардо, показал, что «нормальное» использование своей власти охранниками — проявлять избыточные агрессию и жестокость. Изначально это объяснялось ситуационными факторами, т. е. обстановкой тюрьмы как института и связанными с ней ролевыми ожиданиями. Однако в дальнейшем Зимбардо выдвинул на первый план факторы системные, т. е. принципы организации власти, режима и наказаний, которые он сам разработал для «стэнфордской тюрьмы» и которые делали ее уникальной. Также он начал говорить о «банальности героизма» — способности людей действовать вопреки влиянию систем и ситуаций³. Схожие мысли высказывали

*Латышев Артем
Валерьевич*

канд. ист. наук,
науч. сотр.,
Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»
(Москва, Россия)

и критики его эксперимента. Для проверки и расширения теории социальных идентичностей был проведен «тюремный эксперимент Би-би-си», в ходе которого охранники не смогли «войти в роль» и проявить жесткость, а заключенные восстали против них⁴. Проблема определяющих поведение факторов остается нерешенной: насколько люди, в частности персонал тюрем, свободны в своих поступках, а насколько поведение задано институтами, ролевыми ожиданиями и групповыми нормами?

Новые данные можно почерпнуть из исторических исследований, особенно анализирующих «неклассические» тюрьмы. Например, работы о лагерях для военнопленных показывают многообразие способов общения узников с охраной и местным населением⁵. Исследование с этих позиций ГУЛАГа затруднено нехваткой документальных источников. Доступные материалы НКВД дают отдельные примеры коммуникации внутри лагеря⁶, позволяют проследить связь некоторых группировок узников с администрацией⁷. Но желающим более глубоко проанализировать контакты доминантных и подчиненных групп приходится опираться на такие не самые надежные источники, как поздние мемуарные свидетельства или интервью⁸.

В связи с этим оправданно обратиться к другим, относительно слабо изученным, действовавшим в годы войны местам лишения свободы — проверочно-фильтрационным (до 1945 г. — специальным) лагерям НКВД (далее — ПФЛ). Главный контингент ПФЛ — военнослужащие Красной армии, бывшие в плену, окружении и/или проживавшие на оккупированной территории. С 1942 г. до октября 1944 г. их поступило приблизительно 350 тыс. чел.⁹, еще около 300 тыс. чел. прибыло в ходе репатриации¹⁰. Работа лагерей изучалась в контексте более широких тем репатриации и репрессий¹¹, а также становилась предметом отдельного исследования¹². Благодаря труду историков сегодня известно, что в ПФЛ люди попадали без предъявления им формальных обвинений. Большинство по завершении так называемой проверки (или фильтрации) органами госбезопасности избежали ареста, а приоритеты в работе лагерей быстро сместились с выявления шпионов к трудовому использованию контингента.

В настоящей статье рассматриваются контакты работников НКВД и вольнонаемных рабочих с проходившими фильтрацию бывшими пленными. Специфика ПФЛ, речь о которой пойдет ниже, отличала их от других пенитенциарных учреждений. Сценарии общения охранников и свободных граждан с «бывшими военнослужащими» не были предопределены, что делает необходимым подробный анализ архивных материалов. Положения «коллорабационистов» в ПФЛ мы не касаемся, так как оно было более определенным (служба врагу в любом виде считалась изменой родине). Особенности ПФЛ проявлялись до окончания военных действий в Европе и в лагерях на территории СССР, что определяет хронологические и географические рамки статьи.

Начнем с рассмотрения системных и ситуационных факторов, влиявших на коммуникацию: характера пропагандистского фона, организации в ПФЛ управления, режима, деления узников на группы, а также изучения источников комплектования кадров лагерей. Затем проанализируем отношение работников лагеря, отдельно рядовых охранников и их начальства, к бывшим

пленным: как они высказывались о «спецконтингенте», в каких ситуациях возникали конфликты, когда открывались возможности для диалога. Результаты по работникам НКВД сравним с данными о связях с узниками рядовых рабочих и руководителей предприятий.

Для решения поставленных задач задействованы архивные материалы. Различные справки, отчеты, акты осмотров лагерей и политдонесения отложились в фондах подразделений НКВД: областных управлений и отдельных лагерей¹³, Управления по делам военнопленных и интернированных (далее — УПВИ)¹⁴, Отдела проверочно-фильтрационных лагерей¹⁵, ГУЛАГа¹⁶. Эти документы хронологически близки к изучаемому периоду, в то же время события в них описываются почти исключительно с точки зрения работников НКВД. Вместе с тем часто в отчеты попадали противоречивые данные, живые детали и двусмысленные высказывания.

Специфика проверочно-фильтрационных лагерей: пространство неопределенности. Положение попавших в фильтрационные лагеря бывших военнослужащих Красной армии было амбивалентным. Согласно решению ГКО о создании ПФЛ предполагалось, что среди таких лиц присутствует неопределенное количество «изменников родине, шпионов и дезертиров»¹⁷, которых еще предстояло выявить. Занятые этим особые отделы НКВД, а позднее отделения СМЕРШ работали полностью независимо от начальника лагеря и всех его подчиненных. В задачи последних входили вопросы режима, политработы, снабжения и прочие хозяйственные задачи. Непричастность к ходу фильтрации, незнание сути и содержания работы особистов не позволяли другим работникам лагеря составить четкие представления о бывших пленных.

Внешнее устройство и режим ПФЛ не должны были отличаться от стандартного лагеря с бараками, колючей проволокой и вышками по периметру; запрещались переписка, свидания и выход за пределы зоны¹⁸. Хотя из-за нехватки ресурсов для обустройства и производственной необходимости эти требования часто нарушались, они приближали население ПФЛ к заключенным ГУЛАГа. В то же время фильтрация в лагерях не сопровождалась полной деиндивидуализацией, а ряд режимных положений отсылал к военному статусу узников: отсутствие номеров и единой одежды; приближенные к тыловым частям нормы снабжения; разрешение носить военную форму, знаки различия и награды; деление на роты и взводы; сохранение внутри лагеря субординации между рядовыми и командным составом. В документах узников предпочитали называть «спецконтингентом», однако официально к ним обращались как к «бывшим военнослужащим». Напоминая о необходимости соблюдать режим по отношению к спецконтингенту, центральные органы могли называть его «наши советские люди»¹⁹, а также требовать «обеспечить всегда вежливое и корректное отношение»²⁰.

Неоднозначным был и создававшийся пропагандой политический фон. С первых недель войны армейская пресса утверждала, что «воин Красной армии в плен не сдается», — считалось, что должен застрелиться последним патроном. Одновременно ярость к врагу разжигалась на примере его жестокого обращения и расправ с пленными красноармейцами²¹. Эти описания,

в которых пытаемые и убиваемые проявляли высокие патриотизм и мужество, превращали пленных из предателей и трусов в достойных сострадания жертв. Помимо этого, часть отправленных на проверку в ПФЛ военных никогда не была в плену, а другие попали в него ранеными, что считалось оправдывающим обстоятельством. Политотделы в самих ПФЛ не получили четких и непротиворечивых инструкций о статусе «бывших военнослужащих» и направленности пропагандистской работы.

На отношение работников лагеря к «бывшим военнослужащим» также влияло деление последних на группы. Как и в других местах лишения свободы, руководство ПФЛ выделяло из общей массы часть узников, используя их в роли старших по ротам и взводам, бригадиров, чтецов газет, агитаторов и т. д. С началом интенсивного трудового использования среди контингента стали выделять выполнявших и перевыполнявших производственные нормы, которых селили в отдельные бараки, лучше кормили, в их режиме допускались послабления.

Неоднозначные последствия имело направление с осени 1943 г. в ПФЛ так называемой второй группы — не совершивших преступлений рядовых «коллорационистов». Отнесенные к «первой группе» бывшие пленные тяжело переживали подобное соседство, как бы уравнивавшее их с «бывшими полицейскими, старостами и другими пособниками немецкого фашизма»²². Теперь работники лагерей должны были иметь дело с «настоящими» изменниками, что привело к смягчению условий содержания и повышению доверия к «первой группе». В 1944 г. в ПФЛ заработали комиссии по восстановлению бывших пленных в партии, прорабатывалась возможность создания «преимущества условий режима содержания для спецконтингента, который уже проверен органами СМЕРШ»²³.

Таким образом, ПФЛ во многом были схожи с лагерями ГУЛАГа, но в их устройство были заложены и принципы, подчеркивающие отличие фильтруемого контингента от заключенных и усложняющие восприятие этих лиц сотрудниками лагерей.

Рядовые охранники: общность происхождения и статуса. Чаще всего с узниками контактировали бойцы ВОХРа. Как и в ГУЛАГе, в ПФЛ широко использовался набор охранников и технических специалистов из вчерашних заключенных. Так, в 1942 г. в Грязовецком лагере были обеспокоены тем, что набранные из прошедших проверку вахтеры рассказывали знакомым узникам подробности работы лагеря и жизни его персонала²⁴. Граница между рядовыми сотрудниками лагеря и спецконтингентом была призрачна или могла отсутствовать вовсе. В 1943 г. в Армавирском ПФЛ охрана комплектовалась из прошедших проверку и негодных к строевой службе, а также «группы бывших партизан в числе 32 человек вышедших из окружения с оружием и трофеями»²⁵. Руководство лагеря не хотело использовать присылаемых военкоматом работников, так как «все эти лица проживали во время оккупации немцами Северного Кавказа дома и нашими органами не проверены»²⁶. Работники Кизеловского ПФЛ не годились для оперативной работы, так как прибыли с оккупированной территории либо имели там родственников²⁷. Из 123 чел., принятых на работу

в Сталиногорский лагерь, ранее успешно проверенных СМЕРШем, оперативный отдел подозревал и активно разрабатывал 12 чел. как шпионов и пособников оккупантов²⁸.

Таким образом, разоблачение и наказание грозили как проходящим проверку, так и работникам ПФЛ, причем не только набранным из спецконтингента. Многих охранников роднило с узниками желание покинуть лагерь. Сотрудники ПФЛ № 0318, согласно выводам комиссии, имели «почти сплошное стремление уволиться с работы»²⁹. Работники Подольского ПФЛ из вчерашних проверяемых, по оценке руководства лагеря, в целом вели себя не дисциплинированно, а часть из них добивалась отправки в военкомат³⁰.

По словам одного из работников Грязовецкого лагеря, общность положения делала возможными «доверчивость и панибратство»³¹. Директива УПВИ грозила военным трибуналом за связь с контингентом, помощь ему в передачах и нелегальной переписке, запрещались торговля и обмен, прием подарков³². Эта директива подтверждала распространенность бартера, причем порой бывшие пленные предлагали эксклюзивный товар — надзиратель, не задумываясь об идеологии, выменял у отправленного на гауптвахту собственный бушлат с петлицами НКВД на финскую шинель³³. В Тульском ПФЛ стахановцы, получавшие на заводе водку, продавали ее личному составу лагеря³⁴.

Совместное употребление алкоголя стирало все социальные рамки, хотя отчеты скупы на подробности: лейтенант «допустил выпивку со спецконтингентом»³⁵, вахтер «допустил выпивку с одним из контингента, который поменял фуфайку на водку»³⁶. В некоторых случаях бывшие пленные могли быть охранникам ближе, чем другие работники лагеря. Один из них, каким-то образом добыв суп из столовой и продавая его узникам по 15 руб. за миску, вступил в драку со сделавшим ему замечание другим охранником («наш законный паек отрываете и продаете в пользу спецконтингента»)³⁷.

Фиксируются в источниках и сексуальные контакты между работницами лагерей и «бывшими военнослужащими». Часто отношения старались скрыть, как в случае с военфельдшером из Подлипкинского ПФЛ, которая «дискредитировала себя личной связью со спецконтингентом»³⁸, или врача из Грязовецкого лагеря, которая «имела связь с военврачом» из проверяемых, по его просьбе купила ему масла и водки³⁹. В Рязанском ПФЛ капитан М. прямо во время регистрации пытался узнать домашний адрес женщины из учетной группы, а та согласилась сообщить его при условии, что он успешно пройдет проверку. История имела анекдотичное продолжение: капитан узнал адрес, а женщина получила выговор, так как СМЕРШ включил М. в список направляемых в армию по ошибке. Между тем капитан начал встречаться с фельдшером, имевшей доступ к складу белья, где она «вступила в интимную связь» не только с ним, но и с проходившим проверку фельдшером⁴⁰.

Вместе с тем «доверчивость и панибратство» в источниках фиксировались чаще и подробнее, чем считавшийся руководством нормальным формально-деловой подход. Также, очевидно, было широко распространено индифферентное отношение. Например, полную незаинтересованность в судьбах узников показали охранники лесозаготовок Подлипкинского лагеря, когда дали

райотделу НКВД арестовать 12 чел. по подозрению в краже скота, не приняв попытки их отстоять и доложив начальству о случившемся только через два дня⁴¹.

Полагаем, что насилие и оскорбления могли попасть в отчеты только в случае сопротивления со стороны спецконтингента либо вскрыться при посещении лагеря комиссией. По оценке историка, в Кизеловском ПФЛ проверяемые подвергались регулярным избиениям, охранники занимались мародерством и воровством⁴². «Вымогательство денег на выпивку у спецконтингента» и аналогичные явления наблюдались в Тульском ПФЛ⁴³. В названных лагерях содержалось много «коллаборантов», но при описании каких-то эпизодов в источниках почти никогда не уточнялась учетная группа узников. Видимо, сведения о «положительных» контактах нельзя механически переносить на бывших пленных, а о конфликтах — на «пособников врага». Так, в Череповецком ПФЛ «коллаборантов» не было, но большинство работников пришло из ГУЛАГа; по оценке комиссии, бывших пленных они воспринимали как заключенных и обращались с ними соответствующим образом⁴⁴.

Конфликты часто происходили при конвоировании — процедуре, приближавшей бывших пленных к заключенным и наделявшей охранников дополнительной властью. В отчете политотдела Подольского ПФЛ читаем: «[Отдельные узники] прямо ставят вопрос, если меня считают виновным, пусть судят, а не чувствуя за собой никакой вины — я не хочу под конвоем работать и жить»⁴⁵. В Кизеловском ПФЛ бывшие пленные жаловались, что «конвоирующие грубят и наносят оскорбления»⁴⁶, а в Подлипкинском во время стычки конвоиры были названы «кровопийцами» после того, как первыми начали оскорблять людей⁴⁷.

Администрация лагерей: значение личностного фактора. Более высокопоставленные, чем бойцы ВОХРа, работники лагерей должны были не просто сформировать представление о бывших пленных и окруженцах, но и руководить их повседневной жизнью. О спецконтингенте они предпочитали высказываться диалектично: есть дезертиры и изменники, но есть и «истинные патриоты... оставшиеся верными советской родине и боровшиеся против врага»⁴⁸.

Реальное отношение сильно отличалось у разных работников. В Подлипкинском ПФЛ один начальник политотдела добивался серьезного смягчения режима, а сменивший его на этом посту — чтобы люди ходили в столовую строем и по командам снимали головные уборы, садились и вставали из-за стола⁴⁹. Аналогично начальник санитарного отдела Тульского ПФЛ старалась спасти истощенных людей от убивающего труда⁵⁰, а занимавший эту должность в Подлипках оставлял на той же работе имевших порок сердца, чье состояние ухудшалось. Он придерживался мнения, что активировать нужно только вошедших в стадию декомпенсации и отказывался признавать перед комиссией неправильность такого подхода⁵¹.

Сохранившиеся документы, касающиеся отношений начальников лагерей с бывшими пленными (в противоположность документам, связанным с рядовыми охранниками), сосредоточены на дискриминации и эксплуатации. Так, начальник Краснодарского ПФЛ принуждал к сожительству проходивших про-

верку женщин⁵². В Сталиногорском лагере контингент, согласно поступившей жалобе, называли предателями, изменниками и бандитами (последний термин использовал и начальник лагеря). Начальник одного из лагерных отделений был «похож на садиста»: каждый день арестовывал десятки людей, изнурял их уменьшением пайка. Как выяснилось при проверке, он «занимался самообслуживанием из фондов спецконтингента»⁵³. В Армавирском ПФЛ начальник лагерного участка проявлял агрессию не только к бывшим пленным, но и к работавшим с ними другим сотрудникам лагеря: оскорблял политработников и мешал проведению политмассовой работы с контингентом⁵⁴.

Свидетельства о положительном опыте общения бывших пленных с руководством немногочисленны. Уже в 2000-е гг. один из них назвал начальника лагерного отделения «очень хорошим человеком»⁵⁵. К начальнику лагеря обращались с просьбами решить проблемы вне зоны: сохранить имущество и жилье, помочь родственникам получить положенные льготы, разрешить встретиться с ними или выехать в отпуск. Начальство могло пойти навстречу, при этом нарушая указания НКВД по режиму⁵⁶. К таким решениям, помимо гуманизма, подталкивал и производственный план, зависевший от морального состояния рабочей силы.

Директора и рабочие: между идеологией и прагматизмом. Широкое трудовое использование спецконтингента в промышленности началось с весны — лета 1943 г. До контакта с ним планировалось допустить только надежных людей после проведения разъяснительной работы «о недопущении незаконных связей с контингентом и об ответственности за таковую»⁵⁷. Но обособленные участки работ выделить не получалось, и общение между спецконтингентом и рабочими, как признавалось в лагерных отчетах, было «неограниченно»⁵⁸. От директоров и начальников цехов теперь зависела жизнь бывших пленных во время проверки — отдельные лагеря, как и НКВД в целом, в обмен на предоставление рабочей силы старались переложить на предприятия обязанности по содержанию контингента, вплоть до питания и культурно-массовой работы.

При освобождении из ПФЛ большинство бывших пленных вместо отправки в военкоматы стали зачисляться в постоянные кадры предприятий, на которых они работали во время фильтрации. В этих условиях замнаркома угольной промышленности прагматично предлагал относиться к ним как к обычным рабочим: «Когда проверят их, то расконвоируют большой процент. Ведь это русские люди... из которых мы будем создавать основные наши кадры»⁵⁹. Часть предприятий придерживалась этой позиции. На заводе № 711 наркомата минометного вооружения в Люберцах бывшие пленные получали премии за рацпредложения, отличившихся в работе и получивших высокий разряд назначали инструкторами и мастерами цехов⁶⁰. Руководство завода № 88 наркомата вооружения в Подлипках просило расконвоировать ударников, называя их «товарищами»⁶¹, директор поздравил отдельным приказом «коллектив специального контингента военнообязанных» с 7 ноября⁶², а начальник цеха просил ускорить проверку одного бывшего пленного, чтобы тот мог стать вольнонаемным рабочим, «выйти из спецконтингента»⁶³. На заводе № 88 доля спецконтингента

среди рабочих достигала 35 %, на заводе № 711 ими выполнялось свыше 30 % работ. Оба предприятия добились успехов: завод № 88 занял третье место в соцсоревновании по наркомату, а завод № 711 получил переходящее Красное знамя ЦК и первую премию⁶⁴.

Тем показательнее факты использования имевших квалификацию не по специальности и игнорирования угроз их работоспособности: не выдавались защитные средства, не соблюдалась (и даже не доводилась до сведения контингента) техника безопасности⁶⁵. Начальник Подольского ПФЛ сообщал, что по прошествии времени отношение части заводской администрации к контингенту все еще «грубое, издевательское», отдельных проверяемых называли шакалами, предателями и изменниками⁶⁶. В Сталиногорском ПФЛ заведующий шахтой сообщил комиссии: «Люди работают плохо... сделать не могу ничего, это же не люди, а варвары, нет у меня ничего, пусть заботится Управление лагеря, мне нужны люди, план, уголь, остальное меня не касается». Он избивал спецконтингент, называл паразитами, предателями, изменниками родины⁶⁷.

В этих сведениях заметно влияние пропаганды, причем выдвигаемые политические обвинения были конкретнее, острее и жестче, чем довольно общие оскорбления со стороны работников лагерей, что заметно и в конфликтах с рядовыми рабочими и мастерами. Так, на заводе № 88 сменный мастер публично «дискредитировал рабочих спецконтингента с политической точки зрения, т. е. обзывал рабочих трусами, так как они подняли руки вверх немцам, а также разное в этом духе»⁶⁸. Идеологический характер мог приобрести любой бытовой конфликт. Например, в ответ на пререкания мастер «вместе с двумя своими помощниками схватили Н и потащили его в контору цеха, говоря, что он арестован и что его посадят в тюрьму как изменника. Н сопротивлялся. Дело дошло до драки». В другой раз механик цеха отказался выдать дополнительные талоны на питание, в ходе перепалки назвал бывшего пленного «предателем и изменником», а тот стал угрожать в ответ «разбить голову камнем». После этого рабочие затащили его в контору, избивали и заперли⁶⁹. В данных примерах рабочие, лишая бывших пленников свободы, брали на себя карательную функцию государства, очевидно не соглашаясь с его мягкой политикой. Возможно также, что, выявляя «врагов» среди еще проходящего фильтрацию спецконтингента, они удовлетворяли стремление участвовать во всенародной борьбе с противником на фронте.

Коммуникация с рядовыми рабочими и мастерами не ограничивалась конфликтами. Через них бывшие военнослужащие обменивали вещи, получали письма, доставали алкоголь. Отдел режима и охраны Кизеловского ПФЛ сообщал даже про «неприятие органами прокуратуры мер к вольнонаемным рабочим, содействующим спецконтингенту в совершении побегов»⁷⁰.

Такая разница в отношениях еще раз напоминает о неопределенности статуса бывших пленников и окруженцев — главной специфической черте ПФЛ. Этим они отличались от других мест содержания осужденных, где охранники могли воспринимать узников двойственно⁷¹, однако «статья» сразу же относилась их к той или иной группе. Попавшие в ПФЛ бывшие пленные официально не считались ни осужденными, ни врагами, ни нуждающимися в перевоспитании.

Работники НКВД и гражданские специалисты должны были воспринимать их одновременно и как подневольную рабочую силу, и как будущие кадры, и как ждущих разоблачения шпионов.

* * *

Исследование показало, что по ряду системных и ситуационных факторов фильтрационные лагеря были близки к исправительно-трудовым лагерям (далее — ИТЛ) ГУЛАГа: нарушение режима ради выполнения плана, контакты узников с миром вне зоны, близость к ним по положению рядовых охранников, комплектование последних из вчерашних заключенных и нежелание работать⁷². В то же время ни среди работников ПФЛ, ни среди рабочих не воспитывалась враждебность к «бывшим военнотрудовым», сопоставимая с аналогичной в ИТЛ к «политическим» заключенным. Влияние непоследовательной пропаганды относительно недопустимости плена также не идет в сравнение с постоянным нагнетанием ненависти к отправляемым в ГУЛАГ «врагам народа». Наконец, охранники в ИТЛ были не настолько близки к заключенным, как в ПФЛ, где их объединяли компрометирующее прошлое, общий быт во время фильтрации и едва ли не равные шансы на арест.

В ПФЛ отношение рядовых охранников к узникам было в целом более благосклонным, чем в ГУЛАГе. Однако нам не удалось обнаружить каких-то особых форм коммуникации, ранее не найденных исследователями в ИТЛ. Вместе с тем, несмотря на все нарушения бойцами ВОХР режима, дистанция от узников сохранялась. Злоупотребления при конвоировании показывают, что, по крайней мере в определенные моменты, охранники могли достаточно глубоко вживаться в роль. В ПФЛ сложилась ситуация, когда рядовые тюремщики занимали промежуточное положение между заключенными и своим начальством и в зависимости от ситуации могли в большей степени идентифицировать себя с первыми (совместная выпивка) или вторыми (при конвоировании). Собственной крепкой групповой идентичности в их среде не сложилось, что показывают конфликты среди них из-за отношения к спецконтингенту. Таким образом, представляется, что на поведение тюремщиков оказывали влияние не только хорошо известные, но и реже принимаемые в расчет обстоятельства: общность происхождения с заключенными, принудительный выбор места работы, желание ее покинуть, третирование начальством.

Среди руководящих работников в ПФЛ были те, кто стремился улучшить положение всех бывших пленных или помочь кому-то из них, но также зафиксировано использование спецконтингента в корыстных целях, его унижение и дискриминация по идеологическим соображениям. Такое разное поведение говорит о высоком значении как личностных установок, так и создаваемого пропагандой общего фона и образа конкретной категории узников. О важности указанных факторов свидетельствуют действия руководства и рабочих промышленных предприятий. Их главной задачей было выполнение плана, но при этом часть считала правильным в ущерб производству брать на себя функции НКВД по выявлению среди контингента

«изменников», их третированию и наказанию. Необычность ситуации состояла в том, что стигматизация бывших пленных происходила не в месте лишения свободы — она предшествовала отправке в ПФЛ. Не имело никакого значения, был человек в фильтрационном лагере или нет, прошел ли он проверку, — негативное отношение к нему определялось тем, что он ранее был в плену.

В итоге в пространстве коммуникации с попавшими в ПФЛ бывшими пленными и окруженцами сочувствие к ним проявлялось там, где оно, по замыслу создателей системы, не должно было проявляться, а агрессия — там, где ее меньше всего стоило ожидать. Рассмотренные примеры показывают способность людей действовать вопреки внешним обстоятельствам, причем не только в положительном смысле, — поведение вольнонаемных мастеров демонстрирует, как жестокость к другим возникает при наличии самой минимальной власти и безо всякого внешнего принуждения. Ситуационные, системные и личностные факторы действовали одновременно и пересекались непредсказуемым образом: положение охранника корректировалось общим прошлым с заключенными, начальник лагерного отдела считал бывших пленных честными гражданами и пытался смягчить режим, а у директора шахты необходимость выполнения плана уступала сформировавшимся под влиянием пропаганды личным убеждениям.

¹ *Arendt H.* *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil.* New York, 1963.

² *Фуко М.* *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы.* М., 2016. С. 159–160.

³ *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2018.

⁴ *Haslam S.A., Reicher S.D.* Rethinking the psychology of tyranny: The BBC prison study // *British Journal of Social Psychology.* 2006. No. 45. P. 1–40.

⁵ *Кузьминых А.Л.* Военный плен и интернирование в СССР (1939–1945 годы). Вологда, 2016; *Суржикова Н.В.* Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации (по материалам Среднего Урала) // *Российская история.* 2011. № 4. С. 53–63; *Ходяков М.В.*: 1) Практики выживания иностранных военнопленных в лагерях НКВД — МВД во второй половине 1940-х годов // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда.* 2015. № 2. С. 41–54; 2) Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны в лагерях НКВД — МВД Эстонии. 1944–1949 гг. СПб., 2016; и др.

⁶ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа. 1918–1958. М., 2015. С. 166–168, 180, 276–277.

⁷ *Козлов В.А.* Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // *Общественные науки и современность.* 2004. № 5. С. 95–109; № 6. С. 122–134.

⁸ *Киммерлинг А.С.* «Каждый старался выжить, откровенно говоря...»: лагерная культура в воспоминаниях бывших политзаключенных // *Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память.* М., 2013. С. 351–361; *Щербакова И.Л.* Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников // *Устная история (Oral History): теория и практика.* Барнаул, 2007. С. 132–153; *Энтлбаум Э.* ГУЛАГ. От создания в 1918 г. до середины 80-х гг. М., 2015.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.Р-9408. Оп. 1. Д. 53. Л. 20–25, 28–29.

¹⁰ *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М., 2016. С. 120, 127.

¹¹ *Иванов В.А.* Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997; *Смыкалин А.С.* Коло-

нии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург, 1997; *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен. 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. СПб., 2009.

¹² Из последних работ на тему фильтрационных лагерей см.: *Гаевская Ж. Ю.* Роль спецконтингента в восстановлении предприятий военно-промышленного комплекса Сталинграда в 1943–1945 гг. // *Вестник архивиста.* 2015. № 1. С. 46–63; *Кузьминых А. Л., Старостин С. И.* Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника // *Российская история.* 2010. № 3. С. 48–52; *Рябова А. В.* «Фильтрация» советских граждан в 1940–1950-е годы // *Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг.* 2-е изд., расш. и доп. Новосибирск, 2010. С. 274–332; *Шевченко В. В.* Режим содержания бывших военнослужащих в спецлагерях в 1942–1946 годах // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* 2010. № 2. С. 38–43.

¹³ Центральный государственный архив Московской области (далее — ЦГА МО). Ф. 4611. УНКВД по Московской области. Оп. 6, 7; Ф. 4616. Управление лагеря № 0303.

¹⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 1п. УПВИ, Ф. 3п. Политотдел УПВИ.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-9408. Отдел проверочно-фильтрационных лагерей.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-9414. ГУЛАГ.

¹⁷ 1941 год: сб. документов: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 479–480.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 634. Л. 57–76.

¹⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 12. Л. 2.

²⁰ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 40. Л. 28–28 об.

²¹ *Berkhoff K.* Motherland in danger. Soviet propaganda during World War II. Cambridge (Mass.), 2012. P. 120–122.

²² РГВА. Ф. 1п. Оп. 2и. Д. 82. Л. 16–17.

²³ ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 30. Л. 4-6.

²⁴ РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 75 об.

²⁵ Там же. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 43. Л. 108.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Оп. 2и. Д. 81. Л. 83.

²⁸ ЦГА МО. Ф. 4611. Оп. 6. Д. 15. Л. 1–6.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 20. Л. 78.

³⁰ ЦГА МО. Ф. 4611. Оп. 6. Д. 5. Л. 31 об.

³¹ РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 24.

³² ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1382. Л. 13–14.

³³ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 27. Л. 129.

³⁴ *Меситов Н.* История, рассказанная фондом Р-1368 // *Цена победы: Российские школьники о войне: сб. работ победителей V и VI Всероссийских конкурсов исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век».* М., 2005. С. 245.

³⁵ ЦГА МО. Ф. 4611. Оп. 6. Д. 5. Л. 31 об.

³⁶ РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 92.

³⁷ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.

³⁸ Там же. Д. 40. Л. 60.

³⁹ РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 92.

⁴⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 60. Л. 66–66 об.

⁴¹ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 5. Л. 17–17 об.

⁴² *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953). Екатеринбург; Пермь, 2003. С. 271, 276.

⁴³ *Меситов Н.* История, рассказанная фондом Р-1368. С. 247.

⁴⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 8в. Д. 6. Л. 11.

⁴⁵ ЦГА МО. Ф. 4611. Оп. 6. Д. 5. Л. 27.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.

⁴⁷ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 38. Л. 36–36 об.

- ⁴⁸ Там же. Л. 10–11 об.
- ⁴⁹ Там же. Д. 40. Л. 105 об., 107.
- ⁵⁰ Меситов Н. История, рассказанная фондом Р-1368. С. 251.
- ⁵¹ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 6. Л. 99.
- ⁵² РГВА. Ф. 1п. Оп. 12в. Д. 2. Л. 17.
- ⁵³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 2и. Д. 82. Л. 8.
- ⁵⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 43. Л. 86.
- ⁵⁵ Интервью с Халиловым Н. К. // Проект «Я помню». URL: <http://iremember.ru/memoirs/partizani/khalilov-nuri-kurtseidovich/> (дата обращения: 06.08.2016).
- ⁵⁶ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 43. Л. 2, 5, 21 и др.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1185. Л. 57.
- ⁵⁸ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 28. Л. 8.
- ⁵⁹ Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса. 1929–1956. Кемерово, 2009. С. 183.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 2и. Д. 4. Л. 159.
- ⁶¹ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 13. Л. 158.
- ⁶² Там же. Д. 19. Л. 11–13, 84.
- ⁶³ Там же. Д. 32. Л. 39.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 1и. Д. 2. Л. 43; ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. Д. 1. 36. Л. 24.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 33а. Д. 16. Л. 114.
- ⁶⁶ ЦГА МО. Ф. 4611. Оп. 6. Д. 5. Л. 5, 9 об.
- ⁶⁷ Там же. Д. 15. Л. 21–21 об.
- ⁶⁸ ЦГА МО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 19. Л. 20.
- ⁶⁹ Там же. Д. 38. Л. 21.
- ⁷⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 2и. Д. 81. Л. 66.
- ⁷¹ Ле Кэн Л. Этнографическое исследование в тюрьме. От «роли» заключенного к поискам идентичности осужденного // Социальная антропология во Франции: XXI век. М., 2009. С. 234.
- ⁷² Иванова Г. М. История ГУЛАГа. С. 166–168, 276.

Статья поступила в редакцию 12 августа 2018 г.

Рекомендована в печать 16 мая 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Латышев А. В. Отношение сотрудников НКВД и работников промышленности к узникам фильтрационных лагерей (1942–1945 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 595–608. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.303>
УДК 94(47), 94(4) «1939/45»

Аннотация: В статье впервые в историографии исследуются отношения работников проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ) НКВД и вольнонаемных рабочих с вернувшимися из плена и окружения военнослужащими Красной армии. С учетом достижений и проблем в антропологических исследованиях пенитенциарных учреждений анализируются характер их взаимодействия и влиявшие на него внешние факторы: независимость ведущих фильтрацию органов от руководства лагерей, двойственность статуса узников и режима их содержания, неоднозначность пропагандистского фона. Влияние имело и деление на группы: часть узников выделялась из общей массы лагерной администрацией и могла рассчитывать на лучшее отношение; появление в ПФЛ «коллаборантов» вело как к большей стигматизации, так и к росту доверия к бывшим пленным. Ближе всего с узниками общались рядовые охранники, нередко набранные из успешно прошедших фильтрацию. Отношения между ними чаще носили не конфликтный, а взаимовыгодный характер. Анализ показывает важность факторов, редко принимаемых во внимание при описании тюремщиков, чье положение близко к самим заключенным. Заимавшие в лагерях командные должности проявляли к бывшим пленным как симпатию, так и открытую

враждебность, что свидетельствует о высоком значении личностных факторов. Руководители предприятий и рядовые рабочие могли рассматривать бывших пленных как будущие кадры и полноправных граждан, однако другие выказывали пренебрежение и агрессию, действуя в ущерб выполнению производственных планов, что говорит о сильном влиянии пропаганды. Таким образом, нельзя назвать один главный фактор, определявший отношение к попавшим в ПФЛ. В различных ситуациях в поведении охранников и рабочих проявлялись как детерминированность внешними условиями, так и свобода воли.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военнопленные, лагеря, Народный комиссариат внутренних дел, политические репрессии, принудительный труд.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Сведения об авторе: Латышев А. В. — канд. ист. наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); alatyshv@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

FOR CITATION

Latyshev A. V. 'Attitude of NKVD Employees and Industrial Workers towards Prisoners of Filtration Camps (1941–1945)', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 3, 2019, pp. 595–608. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.303>

Abstract: This article examines relations between workers of the NKVD inspection and filtration camps and civilian workers, with Red Army servicemen who had returned from captivity and encirclement. Taking into account the achievements and problems in anthropological studies of penitentiary institutions, the nature of their interaction and the external factors influencing it are analyzed: the independence of organs filtering from the camp administration, the duality of the status of prisoners and their regime of detention, and the ambiguity of propaganda. Influence was also divided: some prisoners stood out from the mass of camp administration and could count on a better attitude; the appearance of "collaborators" led to greater stigmatization and to increased confidence in former prisoners. The closest contact was with ordinary prison guards, often recruited from those who had successfully passed filtration. Relations between them often were not conflicting, but mutually beneficial. This analysis shows the importance of factors rarely taken into account when describing jailers whose position is close to prisoners themselves. The command posts held in the camps could show sympathy for former prisoners and open hostility, which indicates the high importance of personality factors. Business leaders and rank-and-file workers could consider former prisoners to be future cadres and full citizens, but others showed neglect and aggression, to the detriment of fulfilling production plans, which shows the strong influence of propaganda. Thus, it is impossible to identify one main factor that determined attitude towards those who entered the camps. In various situations, the behavior of security guards and workers manifested both determinism in external conditions and free will.

Keywords: Second World War, prisoners of war, NKVD, camps, political repressions, forced labor.

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project "5-100".

Author: Latyshev A. V. — PhD, Researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); alatyshv@hse.ru

National Research Institute "Higher School of Economics", 20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russia

References:

- Applebaum A. *GULAG. From Creation in 1918 to the mid-80s* (Moscow, 2015). (In Russian)
Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil* (New York, 1963).

- Berkhoff K. *Motherland in danger. Soviet propaganda during World War II* (Cambridge, 2012).
- Bikmetov R. S. *The Use of Special Contingent in the Economy of Kuzbass. 1929–1956* (Kemerovo, 2009). (In Russian)
- Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Rus. ed. (Moscow, 2016). (In Russian)
- Frolov D. D. *The Soviet–Finnish Captivity. 1939–1944. On Both Sides of the Barbed Wire* (St. Petersburg, 2009). (In Russian)
- Gaevskaya Z. Y. 'The Role of Special Contingent in the Restoration of Enterprises of the Military-Industrial Complex of Stalingrad in 1943–1945', *Vestnik arkhivista*, no. 1, 2015. (In Russian)
- Haslam S. A., Reicher S. D. 'Rethinking the psychology of tyranny: The BBC prison study', *British Journal of Social Psychology*, no. 45, 2006.
- Ivanov V. A. *The Mission of Order. The Mechanism of Mass Repression in Soviet Russia in the late 20s — 40s (on the materials of the North-West of RSFSR)* (St. Petersburg, 1997). (In Russian)
- Ivanova G. M. *History of GULAG. 1918–1958* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Khodjakov M. V. 'The Practices of Surviving of the Prisoners of War in NKVD — MVD Camps in the Second Half of the 1940s', *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, no. 2, 2015. (In Russian)
- Khodjakov M. V. *Foreign Prisoners of War in Camps of Estonian NKVD — MVD, 1944–1949* (St. Petersburg, 2016). (In Russian)
- Kimerling A. S. "'Everyone Tried to Survive, Frankly": Camp Culture in the Memories of the Former Political Prisoners', *Prinuditelnyj trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Kozlov V. A. 'Society in Captivity. Conflict Self-Organization of the Camp Community and the Crisis of GULAG Management (late 1920s — early 1950s)', *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 5–6, 2004 (In Russian).
- Kuzminyh A. L. *Military Captivity and Interned in USSR (1939–1945)* (Vologda, 2016). (In Russian)
- Kuzminyh A. L., Starostin S. I. 'Special Camps for Former Soldiers of the Red Army Who Where Captured or Surrounded by the Enemy', *Rossijskaya istoriya*, no. 3, 2010. (In Russian)
- Le Caisne L. 'Ethnographic Research in Prison. From the "Role" of the Prisoner to the Search of the Identity of the Convict', *Sotsialnaya antropologiya vo Francii: XXI vek* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Mesitov N. 'A Story Told by the Fund R-1368', *Tsena pobedy: Rossijskie shkolniki o vojne: sb. rabot pobeditelej V i VI vserossijskih konkursov istoricheskikh issledovatel'skikh rabot starsheklassnikov "Chelovek v istorii. Rossiya — XXI vek"* (Moscow, 2005). (In Russian)
- Ryabova A. V. 'Filtering of the Soviet Citizen in 1940–1950s' in *Marginaly v sovetskom sociume. 1930-e — sere-dina 1950-kh gg.*, 2nd ed. (Novosibirsk, 2010). (In Russian)
- Shcherbakova I. L. 'The Memory of GULAG. Experience of the Study of Memoirs and Oral Evidences of Former Prisoners', *Ustrnaya istoriya (Oral History): teoriya i praktika* (Barnaul, 2007). (In Russian)
- Shevchenko V. V. 'Detention Regime of Former Soldiers in Special Camps in 1942–1946', *Vestnik Volgo-gradskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, no. 2, 2010. (In Russian)
- Smykalin A. S. *Colonies and Prisons in Soviet Russia* (Yekaterinburg, 1997). (In Russian)
- Surzhikova N. V. 'Russian and Soviet Captivity as a Space of Informal Communication (on the Materials of the Ural)', *Rossijskaya istoriya*, no. 4, 2011. (In Russian)
- Suslov A. B. *Special Contingent in Perm Region (1929–1953)* (Yekaterinburg — Perm, 2003). (In Russian)
- Year 1941. Collection of Documents*, Vol. 2 (Moscow, 1998). (In Russian)
- Zemskov V. N. *The Return of Soviet Displaced Persons to the USSR. 1944–1952* (Moscow, 2016). (In Russian)
- Zimbardo F. *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*, Rus. ed. (Moscow, 2018). (In Russian)

Received: August 12, 2018

Accepted: May 16, 2019